

Ш Р И
БАБНИ
КРЫЛОВА

СЛАУЭТЪ
ЕГОРА НАРБУТЪ
издание
И.КНЕБЕЛЬ
МОСКВА

Иванъ Андреевичъ
КРЫЛОВЪ

АЖЕЦЪ

ИЗЪ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть, и князь),
Съ пріателемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ», говоритъ: «что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо:
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садить, ни сѣять:
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору».
— Что за диковина!— пріатель отвѣчалъ,—
На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду;
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами, вотъ, теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.

43 / ...СКАЯ
Ц. ИТР. ...
Система государственных
массовыхъ ...
гор. Омск

Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ
А свойство чудное имѣеть:
Лжець ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣеть
До половины не дойдетъ —
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ.
«А какова у васъ рѣка?»
— Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ,
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?
«Гора хоть не гора, но, право будетъ съ домъ».
— Повѣрить трудно!
Однакожь, какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коимъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не поднимаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо .
«Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы;
Что тамъ за дома:
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть!»
— Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣться можно.
Однакожь, мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...
«Послушай-ка, тутъ перервалъ мой Лжець:
Чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду»

КРЕСТЬЯНИНЪ СМЕРТЬ

НАБРАВЪ валежнику порой холодной, зимней,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.

Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,

На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ собой:

«Куда я бѣденъ, Боже мой!

Нуждаюся во всемъ; къ тому жъ жена и дѣти,

А тамъ подушное, боярщина, оброкъ...

И выдался ль когда на свѣтѣ

Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ?»

Въ такомъ уныніи, на свой пеняя рокъ,

Зоветь онъ смерть: она у насъ не за горами,

А за плечами:

Явилась вмигъ

И говорить: «Зачѣмъ ты звалъ меня, старикъ?»

Увидѣвши ея свирѣпую осанку,

Едва промолвить могъ бѣднякъ, оторопѣвъ:

«Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,

Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку».

Изъ басни сей

Намъ видѣть можно,

Что какъ бываетъ жить ни тошно,

А умирать еще тошнѣй.

Съ истертою и ветхою сумой
Бѣдняжка-нищенка подѣ оконьемъ таскался
И, жалясь на жребій свой,
Нерѣдко удивлялся,
Что люди, живучи въ богатыхъ теремахъ,
По горло въ золотѣ, въ довольствѣ и сластяхъ,
Какъ ихъ карманы ни набиты,
Еще не сыты!
И даже до того,
Что, безъ пути алкая
И новаго богатства добывая,
Лишаются нерѣдко своего
Всего.

Вонъ, бывшій, напримѣръ, того хозяинъ дому
Пошелъ счастливо торговать:
Расторговался въ пухъ. Тутъ, чѣмъ бы перестать
И достальной свой вѣкъ спокойно доживать,
А промыселъ оставить свой другому,—
Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ;
Ждалъ горы золота; но корабли разбило:
Сокровища его всѣ море поглотило;
Теперь они на днѣ,
И видѣлъ онъ себя богатымъ, какъ во снѣ.
Другой, тотъ въ откупа пустился
И нажилъ было миллионъ,
Да мало: захотѣлъ его удвоить онъ,
Забрался по уши и вовсе разорился.
Короче, тысячи такихъ примѣровъ есть;
И подѣломъ: знай честь!
Тутъ Нищему Фортуна вдругъ предстала
И говоритъ ему:
«Послушай, я помочь давно тебѣ желала;
Червонецъ кучу я сыскала;
Подставь свою суму;
Ее насыплю я, да только съ уговоромъ:
Все будетъ золото, въ суму что попадетъ;
Но если изъ сумы что на полъ упадетъ,
То сдѣлается соромъ.
Смотри жъ, я напередъ тебя остерегла!
Миѣ велѣно хранить условье наше строго;
Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтобъ вынести она могла».

Едва отъ радости мой Нищій дышитъ,
И подъ собой земли не слышитъ!
Расправилъ свой кошель, и щедрою рукой
Тутъ полился въ него червонцевъ дождь златой.
Сума становится ужъ тяжеленька.
«Довольно ль?» — «Нѣтъ еще». — «Не треснула бѣ?» —
«Не бойсь».
— «Смотри, ты Крезомъ сталъ». — «Еще, еще маленько:
Хоть горсточку прибрось».
— «Эй, полно! Посмотри, сума ползеть ужъ врозь».
— «Еще щепоточку». Но тутъ кошель прорвался,
Разсыпалась казна и обратилась въ прахъ;
Фортуна скрылася; одна сума въ глазахъ,
И Нищій нищенкимъ попрежнему остался.

